

М

ое знакомство с митрофорным протоиереем Стефаном Домусчи состоялось на его первой персональной выставке, проходившей в областном художественном музее им. И. Н. Крамского в Воронеже в 1991 году. Батюшка сам проводил выставку. Народа было очень много. Издали вижу картины, слышу голос автора: «Красота и природа Божия всегда вели меня. Природу создал Господь для человека. Она и спасение наше, и отдохновение, она человеческое спасает в человеке».

В расположении картин — именно такой смысл. «Спаситель в терновом венце», слева от иконы удивительный пейзаж «Зима», где синевелый снег первозданен и чист и будто продолжается высоким, таинственным и все же земным небом... И удивительная зелень ели. Справа же от Христа — «Осенний лес». Небо, отраженное в глади уже студеной осенней воды... Вроде и нет человека, Христос и природа. Но присутствие человека незримо ощущаешь, и муки Христа — это страдание за нас, грешных людей, и в муках тех — вера в человека и Любовь к нему. Это ясно понимаешь, когда стоишь перед иконой «Спаситель в терновом венце».

Художник, пишущий икону, подвергается известным ограничениям в своем творчестве, согласуясь с церковным преданием по лучшим древним образцам. Индивидуализировать это искусство чрезвычайно трудно. Но истинному таланту иконописный канон никогда не был помехой в раскрытии творческой индивидуальности.

Истинному художнику достаточно сделать ряд сознательных, относительно небольших отступлений от традиционного образа — и икона как бы преображается, а порой и значительно обогащается ее внутреннее содержание.

В иконах о. Стефана почерк художника индивидуален и узнаваем. Очень трудно передать словами те чувства и мысли, которые охватывают тебя, когда стоишь перед его иконами. Небесное спокойствие и чудное отдаление и одновременно — Христос рядом, такой земной, родной, милосердный, всепрощающий. Обращаюсь за помощью к И.С. Тургеневу: в стихотворении в прозе «Христос» он так описывает это состояние: «Лицо, как у всех, — лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех. <...> Те же обычные, хоть и незнакомые черты. И мне вдруг стало жутко — и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо — лицо, похожее на все человеческие лица, — оно и есть лицо Христа».

Перед иконой «Моление о чаше» это состояние усиливается... слышишь земные слова молитвы Спасителя: «Отче мой! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля Твоя». Стоящие у иконы устремляются глазами и мыслью к Сыну Человеческому, который предается в руки грешников. Иконописец изобразил то, что он почувствовал и о чем у него уже составила полная идея... Без этого была бы мертвая академическая картина. Эта живая Вера о. Стефана передается стоящим у иконы, потому что в самом иконописце произошло истинное обращение ко Христу. И когда в книге отзывов читаешь такие признания (слова пенсионерки Л. Манчевской): «Начинаю верить в Бога, Вы помогли мне в этом», — понимаешь, что иконы о. Стефана проникнуты душой их создателя.

Скорбь, великая скорбь Богородицы «Взыскание погибших» пронзает душу. На лице Богоматери мы не видим слезы, но Она плачет... Кроткая, терпеливая, любящая...

«Владимирская» Богоматерь... Печальный, но светлый взгляд ее обращен к нам. Как велика жертва ее — Сын, идущий на смерть за грехи наши. Бог есть Любовь — это главная мысль всей выставки о. Стефана Домусчи. Пейзажи художника проникнуты ею. «Летний полдень на реке Воронеж». Светло и чисто здесь, входи, человек, все для тебя Господь предусмотрел: солнце светит, небо ясно... Только береги все это, только не нарушай эту чудную гармонию.

«Март в лесу» — радостное пушкинское изумление красотой мира. И стихи звучат в душе: «Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет...» Лес действительно прозрачный, но на холсте он не чернеет даже на фоне пасмурного мартовского неба: подключается какое-то потайное освещение. И снег тоже живой, искрящийся...

Просто, лаконично говорит о. Стефан: «Это портрет моей матери, это — мой отец...» Неозвученным остается то, о чем, вероятно, больше всего хотелось бы говорить художнику: какие они были, его родители, как велика его сыновья любовь к ним, какой трудный, но светлый жизненный путь они прошли.

Обо всем этом рассказывают сами портреты: мудрость и воля отца, добрый, скорбный и очень светлый материнский взгляд... Ощущение их живого присутствия не покидает зрителя, и незримые души их будто где-то совсем рядом. И слышишь благословение сыну и всем нам: по замыслу Божьему ты прекрасен, человек. Когда твоя душа желает того, чтобы тебе самому быть лучше, — верь себе и делай все для того, чтобы быть лучше, быть таким, каким хочет тебя видеть Бог, давший нам жизнь.

Философию жизни, свою главную думу о человеке автор выражает на холсте живой краской. И многое, как и в жизни, остается тайной. Автор ясным светом

сбеждает одну неоспоримую и самую важную истину: ищите Царствия Божия и правды его, остальное приложится вам.

О. Стефан останавливается у портрета сына Александра: «Я так хотел, чтобы он был художником, но он выбрал другой путь — путь священника». И больше ни слова. С портрета смотрит на нас молодой священник, который достойно продолжает дело своего отца. Рядом — портрет матушки Галины Михайловны. До слуха доносится тихий и восторженный шепот: «Лучше портрета матушки ничего нет!»

Портрет дочери о. Стефана: глаза ребенка, чистые, светлые, немного печальные и не по-детски серьезные... «Когда писал портрет сына, Миши, подбежала дочка, взяла за руку брата и сказала: “Подожди, тебя папа успеет написать, а я скоро умру”. Ребенок, наверное, многое предчувствует, девочки нет в живых, вскоре она трагически погибла... Таинство смерти... В большей степени оно, видно, открыто ребенку», — говорит отец Стефан.

«Если во время работы бывают рядом люди, они не мешают мне. Напротив: я пишу, пусть смотрят, опыт надо передавать. Люблю писать. Как бы ни устал, беру мольберт и отдыхаю душой. Помню первый свой отпуск, проведенный на юге. Не расставался с кистью и мольбертом. “Вы отдыхать или работать приехали?” — спрашивали у меня. Двадцать семь работ привез я тогда с юга. Дорогое время, отпущенное нам, зачем же терять на пустые развлечения?»

Долго стою у картины «Украина». Слышишь шелест березок, они наклонились слегка — то ли ветер сильный, то ли к солнцу тянутся... Такие светлые, чистые, русские, дорогие. Они выживут, и мы с ними выживем, выстоим.

После посещения выставки через несколько дней я снова пришла в музей. Хотелось в тишине остаться наедине с картинами, не спеша подумать, почувствовать. Все свои впечатления кратко записала. Эти записи и помогли мне более детально рассказать о том, что тогда переживала — почти 30 лет назад.

На дворе июнь 2019 года, я провожаю мужа в последний путь. Отпевание — в храме Андрея Первозванного, очень много народа. Все плывет перед глазами. Сознание еще не воспринимает, а сердце чувствует: ко мне подошли родные, дорогие люди. Отец Стефан молча складывает мои руки на моей груди, свою руку кладет на мои руки... Матушка Галина Михайловна рядом с батюшкой. Тихая, кроткая, светлая, очень усталая — и годы, и болезни, и далекий путь из Борисоглебска... Она смотрит на меня, и я понимаю без слов ее глубокое соболезнование.

Они приехали несмотря на возраст, на плохое самочувствие, приехали попрощаться с крестником. После панихиды первым сказал слово о Петре батюшка Стефан. Он говорил и плакал... Это не были высокие слова, нет, это была скупая правда о жизни крестника, чей характер он хорошо знал. Спасибо, батюшка, не часто мы так понимаем других, умеем прощать от всего сердца, умеем видеть в человеке главное. Вы говорили о крестнике как о живом человеке, который «...носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастьем, вне своих собственных, своих личных обстоятельств»¹.

Спасибо. И снова вспоминаю, беседую с памятью.

Этюд В.П. Криворучко «Дорога в Борисоглебск», подаренный Василием Павловичем, очень дорог мне. Эту дорогу никогда не забуду. 30 лет назад, 21 ноября 1991 года, мы с мужем и двумя сыновьями ехали этой дорогой к о. Стефану Домусчи креститься. Сыновья были не крещеные, мужа маленьким в селе Козловка Воронежской области крестили тайно (такова была жизнь). Крестила какая-то бабушка. «Потому как помазания не было, — объяснил батюшка, — нужно повторить крещение в церкви».

¹ Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова.

Сын пришел из армии, по поводу крещения молчал. Я ждала, прошло почти два года. Как-то услышала от него: «Ради тебя... а так я ничего не осмысливаю...» Я была рада: придет время, осмыслит. Младшему сыну было около 14 лет. С ним проблем не было.

Встретил нас батюшка как родных. На следующий день крестил мужа и сыновей в Знаменской церкви и стал их крестным отцом. Провожая нас, подарил крестникам бесценные подарки: каждому написал икону их Ангела Хранителя.

Меня же о. Стефан пригласил в большую комнату, где было очень много его картин. «Выбирай, что тебе по душе», — сказал он. Я была в каком-то смятении... Тогда за секунды пришло решение: самая небольшая по размерам картина пусть будет моей. Батюшка внимательно посмотрел на меня, подписал выбранную мной картину, потом выбрал сам другую и сделал еще одну дарственную надпись. Мне было стыдно и радостно. Успокоившись немного, я увидела два великолепных пейзажа. Писать о них надо бы отдельно. Скажу только: когда болел мой маленький внук, мы с ним ходили гулять в лес в эти картины. «Бабушка, идем, видишь, дорожка, пойдем... там солнышко, там хорошо».

Уже смеркалось, когда мы приехали в Воронеж. Договорились, что муж и старший сын, не заходя домой, идут к бабушке и дедушке, они жили рядом. А мы с Антоном занесем домой бесценные подарки и тоже придем.

Надо было еще покормить рыбку. Несколько месяцев назад старшему сыну кто-то подарил рыбку, которую он принес домой в трехлитровой банке. Конечно, ухаживать за ней пришлось мне. Не понимала, почему у меня, когда меняла воду для этой рыбки, появлялось тяжелое чувство, объяснение которому не могла найти. Было тревожно, неприятно и как-то страшновато. С чувством брезгливости я переселяла рыбку в чистую воду, промыв все водоросли, камушки. И почему-то медлила с приобретением аквариума. Периодически звонила какая-то девушка, спрашивала Костю, но никак на него не попадала, и тогда обязательно был вопрос: «А рыбка его жива?»

Мы с Антоном вошли в квартиру. Я поспешила к полочке, на которой стояла банка с рыбкой. Рыбка энергично плавала, я подбросила ей корм. На верхнюю полочку, что была над банкой, положила подаренные иконы, и мы с Антоном пошли к бабушке.

Когда возвращались, Антоша первым побежал в комнату. И вдруг растерянный возвращается и испуганно говорит: «А рыбка мертвая». Не веря, я спешу посмотреть сама — рыбка же полчаса назад была такая живая, шустрая... Вижу: она лежит вверх брюшком. За секунды мелькают в голове разные мысли. Иконы-то я положила над рыбкой... Что это за рыбка? Что несла она в наш дом? «А ведь Господь сильнее, что бы ни делали темные силы, а ведь Господь сильнее...» — думала я. Слава Богу!

Девушка больше никогда не звонила. Прошло немного времени. Как-то, уже поздно, жду старшего сына, а его все нет и нет. Звонок: «Мама, спасибо, что я покрестился. Не волнуйся, все хорошо».

Дорогой во Господе, батюшка Стефан, за все благодарю Вас и еще раз за всех за нас прошу прощения.

Внук мой уже вырос, служит в армии. Мы с ним, глядя на Вашу картину, часто вспоминаем, как 20 лет назад гуляли в Вашем лесу. Как уходили, забывая о болезни, по дорожке все дальше и дальше, слышали шелест листьев, видели спрятанные в тени лесные цветочки, слышали пение птиц... В памяти остался неповторимый запах, который бывает только в лесу — мы уходили в Вашу картину, радовались и были счастливыми.

А внука зовут Стефан. Случайно? Но ведь случайностей не бывает.